

Елена Сазанович

Беседовала Лиля Новицкая, «Гродненская правда» (Беларусь)

«ВОЗМОЖНО, ПРИШЛО ВРЕМЯ МОЕГО НОВОГО РОМАНА...»

ПИСАТЕЛЬ, ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА «ГЕОПОЛИТИКА» ЕЛЕНА САЗАНОВИЧ
ДАЛА ИНТЕРВЬЮ БЕЛОРУССКОЙ ГАЗЕТЕ «ГРОДНЕНСКАЯ ПРАВДА»

В нынешнем году российская писательница и публицист Елена Сазанович получила премию журнала «Юность» имени Валентина Катаева за роман «Гайдебуровский старик». Это уже не первая литературная награда Елены, творчество которой началось с гродненской районной газеты «Сельская новь», где опубликовали ее стихотворение «Маме». Елена родилась в Гродно, окончила журфак Белорусского государственного университета, работала в газете «Знамя юности» и журнале «Парус». Затем уехала учиться в Москву. Здесь и обосновалась вместе с семьей после окончания сценарного факультета ВГИКа имени С.А.Герасимова. Сейчас Елена – член Союза писателей России и Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России, редакционного совета журнала «Юность» и редколлегии журнала «Российский колокол». Она – автор более двадцати романов, повестей и пьес, а также десяти книг, изданных в издательствах и журналах России, Беларуси, Латвии, Германии, Австрии, Швейцарии, Чехии и США. Помимо литературы, активно занимается публицистикой. Елена Сазанович – главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика».

– Елена, вы родились в Гродно, здесь учились в школе, затем окончили Белгосуниверситет в Минске, а сейчас живете и работаете в Москве. Какие пути привели вас в столицу?

– Есть шуточный тезис: «Где родился – там и пригодился». В идеале – это правильно. Хотя бы потому, что тогда все проще и понятнее. Потому что это – твое все. Твоя Родина, твой дом, твои родственники, друзья, соседи. В другом городе, и тем более другой стране, все это нужно еще «заработать». В том числе заслужить. Например, право на чужое пространство. Но, возможно, дело не в том, где сидишь, а как растешь? К тому же частенько нами распоряжается судьба. Хотя и мы частенько горазды эту судьбу ломать через колено...

Как-то в одном из романов я написала: «Ведь березу не пересадить в горшок. А орхидея не уживется на воле...». Жизнь многограннее и сложнее... Из Белоруссии я уехала в Москву еще во времена Советского Союза. Меня пригласили учиться во ВГИК. Взяли сразу на второй курс, поскольку у меня уже было высшее образование...

Потом оказалось, что в итоге поменяла родину. Но Родину не поменяла. Впрочем, тогда многие уезжали в столицу. И приглашали многих. Но, конечно, не на заработки. Существовала практика давать шанс способным людям добиться успеха (и в столице это было сделать реальнее). Личные успехи складывались в один общий, который и формировал имидж советского государства. И это было правильно. В те времена столицу (а значит – всю страну) представляли талантливые ученые, врачи, инженеры, творческие работники из всех республик. И она неизбежно была многонациональной. Она и теперь многонациональна. Но, увы, уже по другой, более печальной причине...

В общем, я начинала учиться в одном государстве, а оканчивала – совершенно в другом... Когда родительский дом находился уже за границей...

– Свое детство часто вспоминаете?

– Конечно. Воспоминаний – миллион... Хотя бы о ребятах нашего двора. Если бы посвятить этой теме роман, то наш подъезд можно представить своеобразной моделью мира. Того мира, в котором мы жили. Теперь другой мир и, наверное, другое детство. Более холодное, что ли, более осторожное и, конечно, технически запрограммированное. А тот наш подъезд – это была дружная семья. Если хотите – община. Во всяком случае, детская. Мы летали в космос, были индейцами, разведчиками, артистами. Мы меняли образы и тем самым, наверное, искали себя. И смысл жизни. И все для нас было интересно...

В моей прозе воспоминания детства проходят отрывочно. В общем-то, я все придумываю, не люблю писать воспоминания и не пишу. Все – чистойшей выдумка. Сочинительство... Но какие-то факты неизбежно всплывают в памяти. Так, в одном из романов я описала реальную историю из детства. Смерть голубя... Помню, как раненого мы его выхаживали в подъезде. А потом шли хоронить. В коробке. Собралась целая детская процессия. Как положено, по-взрослому. Чопорно и торжественно. И все плакали... До сих пор я помню то дерево, у которого голубь похоронен. Сегодня я уже на многое закрываю глаза. Но когда проезжаю мимо дома, где прошло мое детство, это дерево вижу.

– Вы даже на простые вопросы отвечаете как писатель... Кстати, писательский талант – это наследственное?

– Я не очень верю в наследственность, в гены и т.п. Конечно, проще, когда династия. Тогда родители могут помочь детям в профессии, имея там связи и опыт. Да и, безусловно, огромную роль играет атмосфера... И все же талант невозможно впитать или просто так взять, «на халаву», потому что есть родители. Особенно это касается творческих профессий. В творчестве можно, но сложно прикрыться родителями. Талант – слишком уж наглядная вещь. Наверное, от Бога...

У меня родители были далеки от творческой профессии. Папа Иван Алексеевич – финансист, мама Юлия Игнатьевна – медработник, сорок лет трудилась в Гродненском роддоме. Но в доме всегда была масса книг, потому в детстве я очень много и с удовольствием читала. Как и с удовольствием ходила в школу №16 имени Аркадия Гайдара (до сих пор с особой теплотой вспоминаю своих учителей). А сколько кружков я посещала! Помню, как меня водили то в кружок художественного чтения, то в «Умелые руки», то в театральный, то в музыкальную студию... Впрочем, это было нормой для советских детей. Да, и, конечно, спорт.

В нашем доме жила знаменитая Ольга Корбут. Отлично помню то время – весь мир сходил по ней с ума. Но она запросто приглашала нас, детей, к себе в квартиру, дарила свои фотки и сувениры, рассказывала спортивные истории. А мы, маленькие девочки, подражая ей, завязывали хвостики «а-ля Корбут»... Кстати, однажды Ольга взяла меня за руку и привела в гимнастическую секцию. И я даже делала успехи. Но гимнасткой не стала. Меня всегда больше увлекала литература.

Первое стихотворение я написала на уроке математики в 3 классе. Оно называлось «Деревня Щорсы» (это – родина моего папы, и мы часто ездили туда на каникулах). Но одно лето было, видно, особенным в моей жизни... Тогда я, еще маленькая девочка, сидела под умершим дубом, где сочинял стихи Адам Мицкевич. Я уже знала, что это великий поэт, хотя еще не читала его произведений. И тогда подумала: если я сижу под его дубом, где и он сидел, то тоже смогу сочинить. Взяла и сочинила!.. Такое вот было начало.

– В творчестве, наверное, каждого известного человека есть утро, когда он вдруг просыпается знаменитым. Расскажите, пожалуйста, о своем...

– Я проснулась знаменитой лет в 16. И я помню это очень солнечное утро. Какое-то неправдоподобно яркое. И мой Гродно. И этот март. И весенний бульвар имени Ленинского комсомола, где прошло мое детство. Я бегу по нему к редакции «Сельской нови», чтобы взять газету... Тогда к 8 Марта я написала стихотворение «Маме». И его опубликовали. Это было действительно счастье. Особенно потому, что мама так обрадовалась!.. Вот тогда я и почувствовала себя знаменитой. И даже думала, что меня уже все знают. С моей лучшей подружкой Таней Сучковой (она теперь известная детская писательница) отметили публикацию. Купили бутылку лимонада и тортик...

Больше я себя вот так по-настоящему знаменитой не ощущала. Когда дух захватывает. И уже так не отмечала. Хотя действительно были успехи. Но по настроению их невозможно сравнить с той маленькой победой... К тому же, кого и что сейчас знают? По гамбургскому счету?

ПЕРВОИСТОЧНИК

Сейчас нет понятия «известный писатель», оно слишком условно. Все известные личности остались в далеком прошлом. И дело не в уровне таланта. Дело во времени. Люди перестали читать. Возможно, скоро писателей станет гораздо больше, чем читателей. И появится термин – «гениальный читатель». Который, например, может осилить всего Достоевского... Искусство превратилось в бизнес. Или шоу-бизнес. Среди писателей все больше любителей. Среди читателей все больше нелюбителей читать. И профессия в итоге стала невостребованной.

– В большую литературу вы пришли в начале 90-х, в смутное время, весьма непростое не только для писателей – для всех... Как оно вспоминается сейчас?

– Забыть, причем никогда не вспоминать. Но вспоминать, безусловно, надо. В 1993 году я окончила ВГИК, в тяжелое для страны время. В год расстрела парламента. Впрочем, тогда разрушалось все: и наука, и образование, и медицина, и культура, и... и... и... Страны уже фактически не было. Все были на распутье. О каком кино речь?! Все! «Кина не будет»... Так я разочаровалась в кинопрофессии.

– Но ваша дочь все-таки стала кинематографистом...

– Не просто стала. В свое время после журфака Белгосуниверситета я окончила сценарный факультет ВГИКа, а уже позже Елизавета (она – Трусевич и, к слову, тоже родилась в Гродно), можно сказать, доокончила. И стала кинематографистом. Она с детства писала, рисовала, снимала. Сейчас, скажу без пристрастия и преувеличения, у нее прекрасные документальные фильмы, которые имеют большой резонанс и массу наград (все – в Википедии). Сейчас Лиза как режиссер и сценарист сняла прекрасный детский фильм. Полнометражный игровой...

Так что в 90-е маленьким островком для меня осталась литература. Поскольку это одна из немногих профессий, где ты можешь принадлежать исключительно себе, где тебе достаточно ручки и бумаги. И одновременно тебе может принадлежать весь мир. Его можно сочинять, судить, оправдывать. Тогда – еще по инерции – была востребована качественная литература (издатели все же были воспитаны на хороших книжках). Этого абсурдного потока дешевки с яркими обложками и низкопробными текстами еще не было. Меня много печатали... Вообще, конечно, было страшное, мрачное время. И дома взрывались, и метро, и троллейбусы. И в заложники брали. И ветеранов избивали. Люди годами не получали зарплату, жили в неотапливаемых домах. Но у нас странная страна. Теперь, когда только все стало налаживаться, только почувствовали почву под ногами, только вылезли из болота, некоторые тут же добровольно назад в болото захотели. Испытание для людей – это не ужасы. Испытание – это налаженная и спокойная жизнь. Когда постоянно хочется большего. А заканчивается пустотой. Как в сказке о «Золотой рыбке».

Помню, папа всегда говорил: «Запомни, все зло – в деньгах». Я навсегда запомнила. Вот, наверно, поэтому и стала писателем. Хотя теперь на искусстве делают большие деньги. Но, как правило, чем больше деньги, тем меньше искусство.

– Наверное, вы – один из самых публикуемых авторов «Юности», этого популярнейшего еще с советских времен журнала... Какова она, ваша «Юность»?

– В «Юность» я пришла неожиданно. Не поверите, просто послала повесть «Прекрасная мельничиха» – и ее сразу напечатали. Повесть имела огромный резонанс. Невероятный! Не забуду мешки писем от читателей. Именно мешки! Всякое было в письмах, на многие я отвечала. Правда, я не слишком жалею это произведение. Это не произведение, а отчаяние. Об абсурде жизни. Потом, когда я стала писать тоньше, умнее, все стало гораздо сложнее. Людям нужен всплеск, протест, перевозбуждение, наверное, а не философия... Хотя, с другой стороны, кто из писателей любит свои ранние вещи? Мирозрение формируется. И ранний опыт уже не приемлем.

Впрочем, я вообще никогда не перечитываю свои вещи. Они просто уходят от меня. Надеюсь, к читателям. Моих романов вышло в «Юности» – 14! Не считая публицистики.

Пражская книжная выставка.
Елена у стенда со своими книгами...

Гродно. Замковая гора

ПЕРВОИСТОЧНИК

– За четыре последних года «Юность» опубликовала три ваших романа – «Все хоккей!», «Перевернутый мир» и «Гайдебуровский старик». Они составили трилогию «Иная судьба»... «Судьба – путь от неведомого к неведомому», – сказал Платон. А откуда и куда идут герои ваших романов?

– От несчастья – к счастью. От грехов – к раскаянию... В общем, не я это придумала. Писатели, увы, в некоторой степени заложники своего писательского приговора. Это просто труд, который тебе дан. И суть существования между жизнью и смертью – основное, что и должен постигать писатель. Что в принципе непостижимо. Значит, эта профессия тоже – на века...

В своих романах я пытаюсь оправдать любого человека. Именно – оправдать. И понять. Любой человек имеет право на оправдание и понимание. Хотя это в законах и не писано. Точно не помню, но в Библии сказано, что можно исправиться даже за день до смерти и получить искупление грехов.

– С сентября прошлого года вы ведете в «Юности» еще и постоянную рубрику «100 книг, которые потрясли мир». Кто выбирает эти книги? По каким критериям?

– Это просто произведения, которые изучали по советским учебникам. Поскольку, как я теперь понимаю, они были самыми демократичными в истории. Там всем находилось место!.. А то, что некоторым уделяли больше времени, а другим меньше – это что, тоталитаризм? Ну, если Белый написал авангардистский текст, даже не всем понятный, а Фадеев – великий роман о Великой Победе... Естественно, Фадееву и уделяли больше внимания. Но ведь и Белый был в учебниках. Даже симпатизирующие фашистам Гиппиус и Мережковский. Все!.. Вот это и называется демократией.

А для своих «100 книг...» я выбираю самые яркие произведения известных писателей. При этом не боюсь показаться банальной. Пусть даже буду единственной черной вороной среди очень оригинальных белых ворон.

– Одновременно с сочинительством вы в последние годы активно занимаетесь и публицистикой. Причем как главный редактор международного аналитического журнала «Геополитика». Потому что «не могу молчать»?

– Да, я никогда и не молчала. А публицистикой стала заниматься, поскольку не видела просвета в литературе. Нет, у меня все получалось, я даже получала премии. Просто профессия уже была не нужна. Все на один день. Слава и премии. И моя единственная премия – это творчество... А в дни пессимизма и разочарований меня всегда поддерживал мой муж Сергей Трусевич. С тех пор, когда я еще училась с ним на журфаке в Минске... Я даже не знала, но он вдруг зарегистрировал журнал «Геополитика». И назначил меня главным редактором. Он знал, что я всегда интересовалась политикой. Значит, пришло время мне о ней говорить.

Кстати, я могу и молчать. Знаете, сегодня меня почти все устраивает. Впервые за последние 25 лет. Я живу в согласии с собой, обществом, государством, миром. Конечно, есть тысяча проблем, о которых можно и нужно писать. Наверное, я все время плыву по какому-то течению. После того как долго гребла, шла через бури и шторма, в итоге приплыла к берегу. И в чем-то уже успокоилась... Возможно, пришло время моего нового романа...

– Вы постоянно пишете и про Беларусь, и про Союзное государство, и про «большую интеграцию». Насколько эти проблемы важны для вас как человека, родившегося в Беларуси и живущего в России?

– Я до сих пор считаю наши страны одним государством. Моя страна – это до сих пор и Россия, и Белоруссия, и Украина, и Молдавия, и Армения, и Грузия, и Казахстан... Это моя большая страна. И даже страны Прибалтики – это тоже моя страна. Я родилась в Гродно, мы часто ездили в Друскининкай, я там отдыхала в санатории...

Легче поддаваться неумным провокациям. Легче, ничего не читая, бежать на митинги. Конечно, сложнее читать, думать, анализировать. Умные не бегут на «болотные»

митинги. А «очень умные» – бегут. И используют историю в своих интересах.

– Ностальгию не испытываете?..

– Есть великолепный фильм «Новый кинотеатр «Парадизо». Так вот там один герой говорит другому: никогда не возвращайтесь в родные края, это очень большая боль... Все это условно, все возвращаются на время. Но вернуться по-настоящему невозможно. Ты возвращаешься, а люди там просто живут. Из дня в день. И стареют на глазах. И рождаются. И умирают. Идет обычная жизнь, обыденная, медленная жизнь. А у тебя была совсем другая жизнь. И в этой жизни рождались, старели и умирали другие люди...

Я возвращаюсь только к маме. К ее квартире. Но не к миру, где я жила. Туда я вернуться уже не могу. Хотя это и есть постоянство жизни... Конечно, я все поэтизирую. Хотя бы потому, что Гродно изменился настолько, что трудно было даже представить. Вроде бы все то же, но совершенно иное. С европейским лоском (впрочем, у города в чем-то он был всегда). Гродно – это покой и радость, это ностальгия и неприятие ее. Это счастье и постоянство...

ОРИГИНАЛ: <http://grodnonews.by/ru/0/17575/news>

**В своих романах я
пытаюсь оправдать
любого человека.**

**Именно – оправдать. И
понять. Любой человек
имеет право на оправдание
и понимание. Хотя это в
законах и не писано. Точно
не помню, но в Библии
сказано, что можно
исправиться даже за день
до смерти и получить
искупление грехов...**